

УДК 94:281.99571.16"1920/1930"
DOI 10.17223/19988613/41/6

С.Р. Шигапов

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СТАРОВЕРЫ: РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В 1920–1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОГО УЕЗДА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Научного фонда Д.И. Менделеева Томского государственного университета (проект № НУ 8.1.44.2015 С «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации»).

На основе партийно-государственной документации и устных воспоминаний реконструируется динамика взаимоотношений советской власти и крестьян-староверов Томского уезда в 1920–1930-е гг. Автор пытается объяснить причины перехода администрации от сотрудничества к конфронтации, уделив особое внимание восприятию старообрядцев местными партийными сотрудниками.

Ключевые слова: старообрядчество; советская власть; крестьянство; антирелигиозная политика.

Старообрядцы – уникальная социально-конфессиональная группа российского общества. Став оппозицией для главенствующей синодальной церкви, они спровоцировали целую волну правительственных репрессий, происходивших в масштабах всей страны на протяжении XVII–XIX вв. Однако если политика дискриминации старообрядчества в дореволюционный период достаточно подробно изучена в отечественной историографии, то отношения с советской властью не так давно стали сферой интересов исследователей. Советский период истории староверия получил отражение в работах Н.Д. Зольниковой [1], Е.Е. Дутчак [2], А.В. Кострова [3], И.В. Куприяновой [4] и других, но остается весьма перспективным для дальнейших изысканий.

Модель взаимоотношений новой власти и староверов была заложена в период социалистических преобразований 20–30-х гг. XX в. Первое время идейный союз между рабоче-крестьянским государством и «жертвами царского режима» из числа староверов казался вполне естественным. Например, практически до конца 1920-х гг. власть всерьез не беспокоила старообрядческие общины, но в следующее десятилетие курс на сотрудничество резко сменяется репрессивными мерами и попытками вмешательства в их жизнь.

Начавшиеся преследования во многом напоминали дореволюционную ситуацию с той лишь разницей, что на смену миссионерам в деревни с агитацией против «кержаков» пришли партийные пропагандисты – люди совершенно иного, революционного мышления. Поэтому для реконструкции взаимоотношений советской администрации и староверов необходимо решить следующие задачи: с одной стороны, выявить причины перехода от идеи союза с религиозной оппозицией к конфронтации и определить логику восприятия сельскими партийцами общества и пространства староверов; с другой – охарактеризовать реакцию самих крестьян-староверов на реформы советской власти в деревне и возможные механизмы адаптации.

Реализация государственного курса на местах могла различаться и зависела от конфессиональных особенностей региона. Например, для Томского уезда (с 1925 г. – округа, в который входили Томский, Асиновский, Первомайский и Кривошеинский районы современной Томской области) как территории, религиозный ландшафт которой сложился в ходе крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в., было характерно сосуществование «никонианского» и старообрядческого сообществ, причем в последнем случае – разделенного на согласия и толки и локализованного в деревнях и нелегальных скитских поселениях. Взаимодействие разных конфессиональных групп и их попытки «разграничить пространство» привели к усложнению социальной и культурной жизни региона [5] и нашли отражение в сакральной ойконимии [6].

В качестве источников для статьи нами выбран корпус делопроизводственных документов ВКП(б), находящихся в архивах г. Томска (Государственный архив, Центр хранения документации новейшей истории Томской области и архив Научной библиотеки ТГУ), и устные воспоминания жителей Томской области, собранные автором.

От веротерпимости к репрессиям. Для прихода к власти большевики старались использовать все группы, так или иначе оппозиционные царскому правительству. Поэтому религиозная жизнь старообрядцев, которых, по данным переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось не менее 2 млн человек, в первое десятилетие советской власти не подверглась заметным ограничениям. В частности, в 1920-е гг. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) на официальном уровне разрешала проведение старообрядческих съездов «ввиду того, что старообрядцы во времена царизма были гонимы» и намеченные повестки не касались политических вопросов. Более того, по окончании съездов предписывалось «достойным образом характеризовать» их постановления в отдельной статье газеты «Безбожник» [7. С. 237–238]. Руководство синодальной церкви не только лишилось к этому времени подобной

привилегии, но было подвергнуто арестам, а по всей стране прошла кампания по изъятию церковных ценностей. Поэтому многие старообрядческие согласия восприняли события 1917 г. с надеждой на перемены.

Несмотря на существовавшие предпосылки к идейному сотрудничеству, в реальности сложилась иная ситуация. В исследовательской литературе превалирует мнение о том, что конфликт между советской властью и староверами был неизбежным по причине идейного несходства – конфессиональное сообщество и атеистическая власть вряд ли могли стать союзниками. Однако радикализации в отношении крестьян-староверов на региональном уровне, на наш взгляд, гораздо больше способствовали прецеденты местного характера. В частности, для Томского уезда таковым стало распространение антисоветских листовок, напечатанных неподалеку от мужского Ново-Архангельского монастыря, за что епископ-пустынник Амфилохий (Журавлев) в 1923 г. был приговорен к тюремному сроку [8. С. 203]. Его арест не стал началом репрессий в регионе, но способствовал росту недоверия ко всем представителям «старой веры».

Скиты стали расцениваться как возможные базы для «белых банд», а традиция крестьянского странноприимства – как укрывательство лиц, неугодных строю. Например, скиту староверов-странников на р. Иксе (сейчас – Бакчарский район Томской области) в 1939 г. сотрудниками НКВД инкриминировалось хранение в кельях винтовок и боеприпасов, похищенных «белобандитом» И.А. Синяевым с военного склада в Томске во время отступления колчаковских войск [9. Ед. хр. 4].

Разумеется, одной из главных причин изменения отношения власти к староверам явилось их устойчивое влияние на сельскую округу. В 1923 г. Чаинский райком обеспокоило, что в белокриницкой церкви на Горбуновской заимке собираются верующие сразу четырех (!) окрестных волостей и молитвы производятся «кроме праздников во все будни» [10. Л. 18 об.]. Еще пример: в течение 1921–1924 гг. сотрудниками Томской Губернской Чрезвычайной комиссии (ГубЧК) фиксировался рост эсхатологических настроений в крестьянской среде [11. Л. 8]. Не последнюю роль в этом могли играть живущие рядом староверы.

Их окончательный разрыв с властью был обусловлен открытым выступлением против коллективизации, способствовавшим росту протестных настроений среди всего крестьянства. Характерный случай произошел в одной из деревень на р. Икса: когда старовер-странник Василий Белослудцев в 1932 г. «свою вошедшую в колхоз дочь сагитировал выйти из последнего, после этого среди всех колхозников были разговоры, что если святые таежники так говорят, то, следовательно, нужно выходить из колхоза» [12. С. 294–295]. Уже в апреле 1933 г., когда сошел снег, за этим последовали рейд ОГПУ в таежный монастырь, аресты, конфискация имущества и разгром поселения [9. Ед. хр. 2].

Староверческий уклад содержал в себе привычные для крестьян установки, такие как религиозное восприятие труда, бытовая взаимопомощь, сохранение частной собственности, а потому выступал реальной альтернативой колхозному строю. Поэтому закономерно, что сами районные власти объясняли неудачи колхозного строительства упорством «кержаков, которых сломить очень трудно» [13. Л. 279], и пик антистароверческих преследований пришелся именно на рубеж 20–30-х гг. XX в. – период ликвидации социально-экономических альтернатив колхозному советскому строю. Теперь уже все согласия сходились в оценке, что колхозы «через коммунистов создавал сам антихрист» [14. С. 213]. Документы и воспоминания староверов рисуют следующую картину: если в 1920-е гг. местные власти не притесняли даже отказывающиеся «писаться» (регистрироваться. – *С.Ш.*) староверческие семьи, то по мере создания колхозов давление на них усиливалось.

Реакция староверов на преобразования, охватившие все сферы жизни деревни, оказалась закономерной. Жители «смешанных» (конфессионально неоднородных) и «старообрядческих деревень» старались сохранять традиционный уклад, особенно в вопросах воспитания будущего поколения. Не оправдались надежды советской власти на индифферентность молодежи к религии. В итоге ни в с. Митрофановке, ни в с. Петропавловском, где часть населения составляли старообрядцы, к 1926 г. так и не удалось организовать комсомольские ячейки, уже действовавшие практически во всех соседних деревнях [15. Л. 22]. Причем учительница из с. Митрофановка уговаривала молодежь вступать в ряды комсомольцев, обещая подарить музыкальные инструменты и организовать поездки по СССР [16. Л. 26], однако от новой власти с оживлением было принято создание места для досуга в виде «нардома» [17. Л. 160 об.].

Похожим образом кандидатская группа в «старообрядческой» Минаевке отчитывалась о провале женской делегатской работы, объясняя его подчиненным положением женщин в семьях староверов [18. Л. 69]. Религиозные убеждения жительниц с. Петропавловского, вероятно, не позволили им одобрить закон об обязательной регистрации браков [19. Л. 2 об.]. Для сравнения: в соседних деревнях, где не было старообрядческого населения (Казанское, Больше-Дорохово, Ново-Кусково, Ксеньевка и т.д.), достаточно быстро был сформирован женский партактив.

В поселках, вблизи которых проживали староверы, крайне трудно было выстроить работу политико-просветительских и образовательных пунктов («в школу с поселка детей ходит не более 40%, а остальные обучаются исключительно церковно-славянскому языку» [12. С. 294]). Заведующий избы-читальни в с. Митрофановка в своем отчете (1926 г.) отметил, что во время религиозных праздников оказывается невозможным проведение каких бы то ни было мероприятий [17. Л. 160 об.].

В самой антирелигиозной пропаганде среди староверов местные агитаторы проявляли осторожность и использовали особые аргументы. В 1927 г. в с. Петропавловском один из сотрудников пытался убедить слушателей, что при царе крестьяне платили налог больше, так как, помимо прочего, были вынуждены содержать Святейший Синод – светский орган управления церковными делами, имевший негативные оценки в вероучении староверов [20. Л. 2]. Ни в антирелигиозной литературе, ни на практике ведения агитации с «никонианским» населением упоминания о Синоде более не встречается.

Староверы и сельские коммунисты. Ключевое значение для характеристики отношений крестьян-староверов и новой администрации имеет облик сельских партийцев, представлявших советскую власть. Если обратиться к фотографиям и характеристикам работников райкома в материалах «партийных чисток», то можно заметить, что подавляющее большинство из них были молодыми людьми. Например, «избачу» в Митрофановке Вл. Хайдукову было всего 19 лет при стаже работы 3 месяца [17. Л. 105], что типично для всех поселений Томского уезда: многие партийные работники были либо приезжими, либо получили образование в городе.

Отсюда неудивительно, что пространство тайги, где проживали староверы, было незнакомо молодым функционерам. Не последнюю роль в этом играли географические условия. Так, Зачулымский р-н оказался как бы разделен тайгой на две части: административный центр с крупными окрестными селами на р. Чулым и далекая северо-западная окраина, находившаяся под влиянием скитской общины часовенных на р. Чичкаюл. В результате обследования территории района в 1925–1926 гг. было установлено, что как раз здесь в неизвестных масштабах наблюдается укрывательство земли, но при этом документы окружной комиссии отразили сдержанное отношение к этому «преступному явлению» [16. Л. 30–36]. Очевидно, что в условиях дефицита посевных площадей и строгости землеустроительного учета подобная ситуация не могла сохраняться долго, и годы сплошной коллективизации полностью изменили землеустройство и хозяйственную жизнь региона.

Административные ресурсы партийцев в отдаленных поселениях района в 1920-е гг. оставались недостаточными для немедленного проведения реформ. К примеру, в 1927 г. в небольшой д. Альмяково Ново-Кусковского р-на жителям было неизвестно, что в их поселении уже несколько лет действует партиячка [21. Л. 21]. Дело в том, что в годы Гражданской войны власть Советов устанавливалась в губернии по нисходящей линии от губернского центра к райцентрам, затем – крупным селам. Находящиеся же на границе «большой земли» (неосвоенной тайги) заимки и поселения староверов были дистанцированы от основных политических событий и не затронуты переменами.

К примеру, в годы войны неподалеку от д. Марково Зачулымского р-на (ныне Первомайский) лишь однажды произошел бой между одинаково малоизвестными тогда местным жителям «красными» и «белыми», заставившими их на три дня укрываться в тайге [22. С. 116].

Между молодыми партийными сотрудниками и староверами существовал не только географический, но и психологический барьер. На фотографиях «белобородовской пустыни», сделанных партийцами в бакчарской тайге в 1933 г., были даны следующие пояснения: «*молитвенный дом “келья”, где молились “таежники”*» [9. Ед. хр. 76]. Подобным образом описать старообрядцев могли только люди совершенно нового мышления, не имевшие опыта длительного культурно-экономического взаимодействия с ними. В этой формулировке видно слияние конфессионального обозначения и места обитания («таежники» вместо «жержаки/староверы»), говорящие о том, что коммунисты искусственно выделяли тайгу как «чужое пространство», откуда распространяется «чуждое» же влияние. Подобное восприятие, нашедшее отражение в документах, парадоксально, потому что староверы не были новым явлением для сибирской деревни и скиты всегда нераздельно существовали с крестьянской округой [23. С. 40].

В документации первых лет советской власти староверы обычно «помещены» в одном ряду с национальными меньшинствами (чулымцы, тунгусы, эвенки), видимо, как равно чуждые ей культуры [13. Л. 279]. Примером подобного отношения является заявление в 1933 г. секретаря Батуриной верфи Ново-Кусковского района, в котором он за ошибку, допущенную при ведении документации, торжественно обещал исправиться перед партией работой в «старообрядческом колхозе», перевод в который представлял как добровольную ссылку в суровые условия [24. Л. 74]. В другом случае учитель, направленный в старообрядческий пос. Нижняя Курья, в своем обращении к райкому требовал повышения зарплаты за то, что работал «в глухом таежном уголке в *непривлекательной обстановке*» [17. Л. 167].

Сами хозяйства старообрядцев партийцы расценивали как зажиточные и по этой причине допускали в их отношении насильственные действия, часто напоминая совершенный втайне бандитский налет, чем политическую акцию. Так, в 1929–1930-х гг. партийная комиссия выдвинула обвинения председателю Минаевского сельсовета, который ранее с комсомольцем произвел обыск у «монашек, живущих в тайге, у которых изъяли *кулацкое* имущество», часть передав колхозу, а часть – «расхитив» [25. Л. 4]. Комиссия расценила действия председателя как правомерные, и причиной разбирательства стал только факт пропажи изъятого. Монахини считались крайне «чуждым элементом», поэтому их прошения в райком о возвращении им гражданских прав никогда не удовлетворялись, хотя в отноше-

нии бывших церковных старост, псаломщиков и даже священников официальной церкви подобная практика существовала [26. Л. 149].

Отсюда возникает вопрос, каким образом партиям, дистанцированным от томских староверов пространственно и географически, все же удалось вытеснить или разрушить большую часть их скитских поселений.

Скорее всего, сыграла роль неизбежность хозяйственного освоения тайги – необходимость лесозаготовок, развития промыслов и строительства дорог, начавшиеся в период бурного роста промышленности в советское время, привели к тому, что коммунисты стали буквально «наталкиваться» на таежные поселения.

К примеру, достаточно крупная сеть заимочных поселений в междуречье Чичкаюла и Улуюла была случайно обнаружена прорабом, изучающим территории, где в будущем предполагалась прокладка Обь-Енисейской железной дороги [27. С. 196]. Поселения в районе д. Килика обнаружил комсомолец-активист И. Зюзин, за приходом которого последовал рейд отряда НКВД. Вооруженные чекисты сожгли все хозяйственные постройки и кельи, доставив всех работоспособных крестьян в райцентр для поселения в колхозах. Эта акция вызвала самосожжения части скитских жителей и бегство в более удаленные районы [28. С. 410].

В Кривошеинском районе для поиска таежных скитов использовали местных крестьян, информированных об их местонахождении гораздо лучше, чем партийные органы. Один из них в 1933 г. в заявлении на имя уполномоченного ОГПУ информировал, что установил целую агентурную сеть из односельчан для наблюдения за «кержаками», у которых «должно быть много золота» [9. Ед. хр. 3].

Однако применение властями репрессивных мер не сразу позволило исключить влияние староверов. Часть из них сумела успешно приспособиться к изменявшейся ситуации, на что существовали вполне объективные социально-политические предпосылки, которые следует рассмотреть подробнее.

Староверы и сельская администрация. Революция и Гражданская война привели к низложению прежней элиты и формированию политического вакуума в системе местного управления, особенно остро ощущавшегося в таежной Сибири. В сельские органы власти, названные по-новому, выбирали, как правило, самых образованных, влиятельных и авторитетных представителей общины, поэтому в состав управленцев могли попадать бывшие старосты, попы, писари, а также староверы.

Похожая ситуация наблюдалась и на территории Томского уезда. В 1929 г. партийной комиссией Ново-Кусковского (Асиновского) района удалось вскрыть неожиданный факт: на протяжении нескольких лет председателем комитета в п. Нижняя Курья – негласного центра старообрядческого анклава, отдаленного на 80 верст от администрации района – являлась бывшая

старообрядческая монахиня М.И. Шарова. Более того, по совету «неизвестных» М.И. Шарова стала членом Сибкрайисполкома (!) и пользовалась неограниченными полномочиями в районе, в частности сменив шесть подряд секретарей сельсовета, исходя из личных предпочтений.

Риторика обвинения, данного в отчете под громким заголовком «Кто виноват?», сводилась к срыву монахиней колхозного строительства и раскулачивания, но затем акцент переместился на отношения председателя и райкома. Дело в том, что когда обвинительный материал был собран и на 25 листах предоставлен в Президиум райкома, часть его членов высказалась против продолжения расследования, опасаясь санкций высшего руководства («мы, мол, ее выдвинули... она член Сибкрайисполкома... вдруг что-нибудь с нашей стороны обнаружат и нам влетит» [29. Л. 166]). Подобное осознание властной взаимозависимости монахини-председателя и членов райкома следует считать показателем полной интегрированности формально «чуждого элемента» в систему сельской администрации [30].

Возможно, даже в крупных управленческих структурах могла действовать неформальная сеть влиятельных староверов, поддерживающая «своих» кандидатов. Факт выдвижения руководителя чуждого социального происхождения из небольшого отдаленного поселка (всего 52 хозяйства) в эшелоны региональной власти объяснить все же возможно, несмотря на то что к этому времени в районе уже прошло несколько масштабных партийных чисток. Во-первых, в 1925–1929 гг. наблюдался серьезный численный рост номенклатуры Сибкрайисполкома, а центральное партийное руководство требовало максимально способствовать привлечению в его состав женщин [31]. Во-вторых, представители образованной и влиятельной контрэлиты в обществе всегда обладают рядом статусных возможностей, равных элите, но ограниченных искусственно существующей властью. Во время революции этот барьер был ликвидирован.

Известно, что даже в годы самых интенсивных гонений на староверов, особенно при Николае I, их эффективность оставалась незначительной: староверам удавалось нейтрализовать репрессивные меры путем масштабного подкупа должностных лиц. На «прокормлении» старообрядцев находились многие представители местной царской администрации, полицмейстеры и даже синодальные священники [11. С. 208]. Описанный случай с М.И. Шаровой вполне укладывается в существовавшую традицию. Староверам в советское время удалось сохранить статус общественной контрэлиты, т.е., согласно В. Парето, особого психологического типа социально активных людей, обладающих всеми необходимыми параметрами, чтобы претендовать на власть, но лишённые этой возможности по тем или иным причинам [32. С. 188].

Советская администрация не могла долго мириться с подобной конкуренцией, что вызвало репрессии в

1930–1940-е гг., которые стали возможны только под руководством нового поколения партийцев, пришедшего к власти после глубоких партийных чисток. Непривычно практически во всех случаях разгрома старообрядческих поселений фигурируют либо комсомольцы, либо сотрудники НКВД, и гораздо реже – руководители из числа крестьян. Скорее всего, разбирательство по делу М.И. Шаровой было передано в ОГПУ и завершилось трагично для монахини-председателя. Начался новый этап взаимоотношений крестьян «старой веры» и советской власти.

Таким образом, местная администрация обратила серьезное внимание на их общины только тогда, когда все попытки партийных работников создать светские школы, организовать комсомольский и женский актив, провести сплошную коллективизацию – оказались безуспешными. Консервативный уклад, сформированный многовековыми православными традициями, не позволил крестьянам-староверам принять эти

нововведения. Местные коммунисты, приобщавшиеся к культуре города, считали их «религиозными фанатиками», чуждыми элементами модернизированной деревни. Для сельских партийных активистов мир староверов так и остался непонятным, замкнутым, отдаленным от прогресса. В их влиянии на крестьянские настроения партийцы увидели прямую угрозу новому строю, в результате чего перешли к активным действиям. Однако вместо рудимента старой дореволюционной деревни старообрядчество было воплощением ее духовной жизни.

Столкновение молодых представителей советской власти и староверов в полной мере олицетворяет борьбу двух разных укладов и даже цивилизаций. Часть староверов увидела единственный путь ко спасению в бегстве подальше «от царства антихриста» в тайгу, другие со временем поселились в колхозах и были вынуждены скрывать свои религиозные убеждения вплоть до распада Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зольникова Н.Д. Сибирские староверы и власть после революции: судьбы и дороги // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 1995 г. : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т ; редкол. В.И. Шишкин (отв. ред.) и др. Новосибирск, 1996. С. 109–118.
2. Дутчак Е.Е. Из «Вавилоны» в «Беловодье» : адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Е.Е. Дутчак ; под ред. В.В. Керова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 410 с.
3. Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 35–42.
4. Куприянова И.В. Революция и Гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 369–373.
5. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
6. Шигапов С.Р. Двойственность религиозного ландшафта томско-чулымской тайги (вторая половина XIX – начало XX в.) // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России : материалы VIII Междунар. Съездинских чтений. Ульяновск, 2015. С. 59–66.
7. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В.В. Лобанов. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 381 с.
8. Приль Л.Н. К характеристике белокриницких обителей Томской области в 1920–1930-х годах // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья : труды Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября) / [Отв. ред. И.В. Поздеева] : в 2 ч. Ярославль : Ремдер, 2008. С. 194–217.
9. Отдел книжных рукописей и памятников Научной библиотеки Томского государственного ун-та (далее – ОКРП НБ ТГУ). Ф. 24.
10. Центр документации новейшей истории Томской обл. (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 6.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
12. Каленова Г.М. Репрессии против старообрядцев-странников на территории Томской области в 1933–1941 гг. (по материалам архивных дел ФСБ Томской области) // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. : материалы конф., посв. памяти проф. А.А. Говоркова / под ред. А.Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 293–295.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 178.
14. Керов В.В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора // Российская история. 2014. № 4. С. 203–213.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 132.
17. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р. 214. Оп. 1. Д. 64.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 4030. Оп. 1. Д. 1.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 189.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 129.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 48.
22. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Том. с.-х. ин-т ; [публикация Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной ; науч. ред. Э.И. Черняк]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
23. Дутчак Е.Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2014. № 1 (31). С. 38–42.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 143.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 39.
26. ГАТО. Ф. Р. 476. Ф. 109.
27. Приль Л.Н. Староверы: пространство, путь, дорога // Русские старожилы : материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек. 2000 г., Тобольск) / отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск ; Омск : Тобол. гос. ист.-архитект. музей-заповедник, 2000. С. 195–197.
28. Барсагаев П.А. Краткая история сел и деревень Первомайского (Пышкино-Троицкого) района // Земля Первомайская : сб. науч.-популяр. очерков / под ред. Я.А. Яковлева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 391–451.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 5.
30. Рубцов А.В. Реноме и легитимность. Репутация как условие «права править» // Отечественные записки : электронный журнал. 2014. Вып. 6 (63). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/renome-i-legitimnost>, свободный (дата обращения: 22.10.2015).

31. Паско М.Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) во второй половине 1920-х годов : численность и состав // Сибирская заимка. URL: <http://zaimka.ru/pasko-nomenclature>, свободный (дата обращения: 12.09.2015).
32. Селезнев Ф.А. Старообрядчество как контрэлита // Российская история. 2014. № 4. С. 188–192.

Shigapov Saveliy R. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: shigapovs94@mail.ru

THE SOVIET AUTHORITY AND OLD-BELIEVERS: THE DEVELOPMENT OF RELATIONS IN 1920–1930S (ON MATERIALS OF TOMSK COUNTY).

Keywords: old-believers; soviet authority; peasantry; antireligious policy.

The process of relations between soviet authority and old-believers peasants of Tomsk county in 1920–1930s were reconstructed based on party and state documents and oral memories. Author try to explain all reasons for the conversion of regional administration from partnership to confrontation. He paid attention to perception old-believers by local party employees. Old-believers appeared after the Schism in XVII century and were very conservative group of Russian peasantry. So they didn't approve soviet reforms in different spheres of peasants traditional mode of life, in particular collectivization and atheism. They sought to live in a deep taiga in isolation from «profane» peasantry and had specific system of education, prayers and holy books. They were considered as a sacred among the peasants because of their traditions. But in Siberia part of them lived together with «profane» peasants and were involved in the class struggle inspired by bolsheviks. But soviet administration viewed them as a threat for the new order because old-believers influence was wide and their ideas very popular from peasants. This contradiction led to the open conflict and oppression against old-believers. In this policy communists were forced to find secret settlements of old-believers in the taiga, using information from local peasants and destroyed these hermitages. They considered hermitages the centers of counter-revolution, «white bands» and religious propaganda based on the teaching about the Apocalypses and Bolsheviks as a services of Antichrist. Moreover personalities of the communistic party members were very unusual too. A lot of them were young people who believed in ideals of Revolution and viewed old-believers as a alien phenomenon for usual peasants when old-believers were an integral part of traditional society and custodians of his religious customs for several centuries. They hadn't wide experience of social, cultural and economic relationships with old-believers than older people. Most of them educated in cities or arrived from city's committees generally. In this article we tried to describe their attitude toward old-believers in according to party documents, reports, characteristics and photos what made local communists. Author focused on the issue of old-believers as a counter elite group in the regional political relations system. Some of them became heads of regional committees and councils because of their wide influence and authority. Author tried to explain some social and psychological aspects of these processes in order to understand more in social history of the Soviet Union.

REFERENCES

- Zol'nikova, N.D. (1996) Sibirskie starovery i vlast' posle revolyutsii: sud'by i dorogi [Siberian Old Believers and the power after the revolution: Fates and roads]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sotsial'no-demograficheskie problemy istorii Sibiri XVII–XX vv.* [Socio-demographic problems of Siberian history of the 17th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 109-118.
- Dutchak, E.E. (2007) *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" in "Belovodie": The adaptive capacity of taiga communities of Old Believers-wanderers (the late 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kostrov, A.V. (2010) The Soviet government and Old Believers of Baikal Siberia in the 1920s. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 23. pp. 35-42. (In Russian).
- Kupriyanova, I.V. (2013) The Revolution and the Civil War – The years of political self-determination of the Altai Old Believers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 5(42). pp. 369-373. (In Russian).
- Dutchak, E.E., Vasiliev, A.V., Kim, E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: The Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research*. 1. pp. 79-90. (In Russian).
- Shigapov, S.R. (2015) [The duality of the religious landscape of Tomsk-Chulym taiga (the late 19th – early 20th centuries)]. *Regional'naya identichnost' v istoricheskom i kul'turnom prostranstve Rossii* [Regional identity in the historical and cultural space of Russia]. Proc. of the 8th International Sytin Readings. Ul'yanovsk. pp. 59-66. (In Russian).
- Lobanov, V.V. (ed.) (2014) *Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b) (Antireligioznoy komissii). 1922–1929 gg.* [Minutes of the Commission for the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP (b) (Anti-Religious Commission). 1922-1929]. Moscow: St.Tikhon's Orthodox University.
- Pril, L.N. (2008) K kharakteristike belokrinitskikh obiteley Tomskoy oblasti v 1920–1930-kh godakh [The description of Belokrinitsa cloisters in Tomsk region in the 1920–1930-ies]. In: Pozdeeva, I.V. (ed.) *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya* [The traditional book and the culture of the late Russian Middle Ages]. Yaroslavl: Remder. pp. 194-217.
- The Department of Rare Books and Manuscripts, The Research Library of Tomsk State University. Fund 24.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 30. List 1. File 6.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 55.
- Kalenova, G.M. (2003) Repressii protiv staroobryadsev-strannikov na territorii Tomskoy oblasti v 1933–1941 gg. (po materialam arkhivnykh del FSB Tomskoy oblasti) [Repressions against Old Believers-Wanderers in Tomsk Rregion in the 1933–1941-s gg. (based on the archives of the FSB of Tomsk Region)]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII–XX vv.* [Problems of History, Historiography and Source Studies of Russia of the 13th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 293-295.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 77. List 1. File 178.
- Kerov, V.V. (2014) Russkaya istoriya skvoz' prizmu staroobryadcheskogo faktora [Russian history in the light of Old Believers factor]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 203-213.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 21. List 1. File 42.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 132.
- The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R. 214. List 1. File. 64.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 4030. List 1. File 1.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 25. List 1. File 189.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 25. List 1. File 129.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 27. List 1. File 48.
- Dmitrienko, N.M. & Shipilina, G.V. (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: The memories and stories of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dutchak, E.E. (2014) Confessional and Economic Nature of the Old Believers' Heritage (the late 19th – early 20th centuries). *Bylye gody*. 1(31). pp. 38-42. (In Russian).

24. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 27. List 1. File 143.
25. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 93. List 1. File 39.
26. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R. 476. Fund 109.
27. Pril, L.N. (2000) Starovery: prostranstvo, put', doroga [Old Believers: Space, path, road]. In: Golovnev, A.V. (ed.) *Russkie starozhily* [Russian Old-Believers]. Tobolsk; Omsk: Tobolsk State Historical and Architecture Reserve. pp. 195-197.
28. Barsagaev, P.A. (2001) Kratkaya istoriya sel i dereven' Pervomayskogo (Pyshkino-Troitskogo) rayona [The Brief History of villages of Pervomaysky (Pyshkino-Troitsky) District]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya pervomayskaya* [The Land of Pervomayskoe]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 391-451.
29. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 93. List 1. File 5.
30. Rubtsov, A.V. (2014) Renome i legitimnost'. Reputatsiya kak uslovie "prava pravit'" [Reputation and legitimacy. Reputation as a condition for the "right to rule"]. *Otechestvennye zapiski*. 6(63). [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/renome-i-legitimnost>. (Accessed: 22nd October 2015).
31. Pasko, M.Yu. (2002) Nomenklatura Sibirskogo kraevogo komiteta RKP(b) – VKP(b) vo vtoroy polovine 1920-kh godov: chislennost' i sostav [The nomenclature of the Siberian regional committee of the RCP (b) – VKP (b) in the late 1920-s: The number and composition]. *Sibirskaya zaimka*. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/pasko-nomenclature>. (Accessed: 12th September 2015).
32. Seleznev, F.A. (2014) Staroobryadchestvo kak kontrelita [Old-Believers as a counter-elite]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 188-192.